
Ника Камилина
Капля в океане.
Я – есть всё.

Ника Камилина

Капля в океане. Я есть все

https://litres.ru/74714984
SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если наше представление о реальности далеко не полное? Если сознание — нечто большее, чем работа мозга, судьба имеет множество вариантов, а время и смерть не так однозначны, как нам кажется?

«Капля в океане» — философское путешествие в форме непринуждённого диалога о сознании, душе, природе реальности и нашем месте в ней.

Эта книга не столько даёт ответы, сколько приглашает задуматься: насколько хорошо мы понимаем мир и самих себя?

Ника Камилина
Капля в океане. Я есть все

Пролог. Первый вопрос

Собеседник: Скажи, а ты когда-нибудь задумывалась, насколько хорошо мы вообще понимаем мир, в котором живём?

Автор: Думаю, каждый хотя бы иногда задаёт себе подобные вопросы. Почему мы существуем? Что такое сознание? Откуда берётся наше ощущение собственного «я»? И действительно ли всё устроено именно так, как мы привыкли считать?

Собеседник: Звучит так, будто ты собираешься предложить мне ответы на все эти вопросы.

Автор: Вот как раз нет. У меня нет готовых ответов на всё это. Но есть предположения, наблюдения, личный опыт и множество вопросов, которые мне самой давно хотелось исследовать.

Собеседник: Тогда зачем писать об этом книгу?

Автор: Потому что мне хочется не столько рассказать кому-то, во что я верю, сколько пригласить его поразмышлять вместе со мной. Представь, что мы просто сели за чашкой чая и начали разговор о мире, сознании, жизни и о том, что может находиться за пределами привычного нам представления о реальности.

Я буду делиться своими мыслями, а ты можешь соглашаться, спорить, задавать неудобные вопросы или предлагать собственные объяснения. Мне даже хотелось бы, чтобы ты не принимал всё на веру.

Собеседник: То есть ты не собираешься убеждать меня в своей правоте?

Автор: Нет. Эта книга не претендует на истину в последней инстанции. Я не хочу подменять размышления готовыми выводами. Мне гораздо интереснее, если по ходу чтения у тебя будут появляться собственные вопросы, а некоторые привычные представления, возможно, захочется пересмотреть.

Мы будем рассматривать разные идеи, сопоставлять их, иногда находить интересные связи, а иногда упираться в то, на что пока нет ответа. Где-то речь пойдёт о научных знаниях, где-то — о философских предположениях, а где-то я поделюсь личным опытом. И мне важно не смешивать эти вещи, а оставлять читателю возможность самому оценивать каждую из них.

Собеседник: А с чего всё началось для тебя?

Автор: Интерес к тому, как устроен мир, был у меня всегда. Правда, он проявлялся не постоянно, а скорее периода-

ми — как интеллектуальный зуд, когда вдруг хочется понять что-то, на что привычные объяснения не дают полного ответа.

Один из первых таких моментов случился в детстве.

Мне было примерно шесть или восемь лет, когда у родственников пропала собака. Мы искали её, надеялись, что она вернётся. В какой-то момент мне приснился сон: собака появилась и словно передала мне мысль, что ещё вернётся.

Она не говорила человеческим голосом. Это было именно ощущение передачи мысли — будто я просто поняла, что она хочет сказать.

Позже выяснилось, что собаку сбил водитель и она погибла.

Тогда сон особенно запомнился мне из-за эмоционального контраста: во сне она обещала вернуться, а в реальности её уже не было.

Спустя некоторое время в семье появился котёнок. Мы вместе со взрослыми замечали, что в его характере есть что-то очень похожее на ту собаку. И именно тогда я неожиданно вспомнила тот сон.

Я не могу сказать, что это было доказательством чего-либо. Но это стало одним из первых моментов, когда я задумалась: а вдруг привычная картина мира не охватывает всего?

Возможно, это было совпадение. Возможно, особенности памяти и воображения. А возможно, что-то, для чего у меня тогда просто не было объяснения.

В любом случае я начала замечать, что отдельные события иногда складываются в общую картину. Как будто собираешь мозаику: сначала видишь только несколько кусочков, а потом вдруг замечаешь между ними связь.

Это ещё не давало ответов. Но постепенно во мне формировался внутренний наблюдатель — способность не про-

сто переживать события, а смотреть на них со стороны, сопоставлять и искать закономерности.

Собеседник: То есть именно тогда ты начала верить в необычные вещи?

Автор: Не совсем. Скорее, я впервые допустила, что не всё обязано укладываться в то объяснение мира, которое мне уже известно. Это разные вещи. Я не получила готового ответа. У меня появился вопрос.

Иногда я вспоминаю фильм «Интерстеллар». В нём некоторые случайные на первый взгляд события и слова позднее приобретают смысл, словно ведут героя к определённой точке. Мне близка сама эта идея: возможно, значение некоторых вещей мы понимаем только задним числом.

Но это не означает, что всё заранее предопределено. Это лишь повод внимательнее смотреть на происходящее.

Именно с вопросов, а не с ответов, начинается эта книга.

Так что давай попробуем разобраться вместе. Не обещаю, что в конце мы найдём ответы на всё. Но, возможно, сам путь

заставит нас увидеть что-то, чего раньше мы не замечали.

А может быть, после этого разговора у тебя появятся совсем другие вопросы. И это будет не менее ценно.

Глава 1. А что, если мы видим не всё?

Собеседник: Начнём с самого простого. Ты говоришь, что привычная картина мира может быть неполной. Но разве мы не воспринимаем реальность такой, какая она есть? В конце концов, мы видим предметы, слышим звуки, можем потрогать окружающие нас вещи. Что ещё нужно, чтобы убедиться, что мир именно такой?

Автор: А ты уверен, что видишь его целиком? Мы воспринимаем реальность такой, какой позволяют наши органы чувств и мозг. Но это не обязательно означает, что мы воспринимаем всё существующее.

Собеседник: То есть ты хочешь сказать, что наши глаза, уши и остальные органы чувств нас обманывают?

Автор: Не совсем обманывают. Скорее, они дают нам определённую картину мира, но эта картина ограничена их возможностями. Представь двух людей, которые стоят на берегу моря. Один видит волны, слышит шум прибоя, чувствует ветер и замечает, как солнце отражается в воде. Другой не слышит и не видит, но ощущает движение воздуха на коже, прикосновение воды к ногам, чувствует прохладу и песок под ступнями.

Они находятся в одном месте, рядом друг с другом, но воспринимают происходящее совершенно по-разному. И при этом каждый из них получает свой настоящий опыт. Для одного море — это ещё и шум волн, для другого — движе-

ние воды и прикосновения.

Собеседник: Но ведь море от этого не меняется.

Автор: Верно. Меняется не само море, а доступная каждому человеку картина происходящего. И это только пример различий между людьми. А теперь вспомни животных.

Летучие мыши ориентируются с помощью эхолокации. Они посылают звуковые сигналы и по отражённому эху определяют, где находятся предметы и препятствия. Для них окружающее пространство раскрывается через способ восприятия, который человеку недоступен в обычной жизни.

Собаки способны различать запахи, которые мы даже не замечаем. Некоторые животные воспринимают ультразвуки или чувствуют такие изменения окружающей среды, на которые мы просто не обращаем внимания.

Собеседник: Получается, у каждого вида животных словно своя версия мира?

Автор: Можно сказать и так. Не в том смысле, что вокруг каждого существует отдельная Вселенная, а в том, что каждый воспринимает одну и ту же реальность через собственные возможности.

Мы привыкли считать человеческое восприятие чем-то вроде универсальной меры. Нам кажется, что если мы чего-то не видим и не слышим, значит, этого либо нет, либо оно не имеет значения. Но стоит посмотреть на мир глазами других живых существ — хотя бы мысленно, — и становится понятно, насколько самоуверенно мы иногда оцениваем

границы реальности.

Собеседник: Подожди. Но ведь наука давно научилась расширять наши возможности. У нас есть микроскопы, телескопы, приборы, которые улавливают радиоволны и другие сигналы. Значит, мы всё-таки можем увидеть то, что недоступно обычным органам чувств.

Автор: Конечно. И это прекрасный пример того, что привычные границы восприятия можно расширять с помощью инструментов. Мы не видим бактерии невооружённым глазом, но это не мешает нам обнаруживать их с помощью микроскопа. Мы не можем увидеть далёкие галактики так, как видим предметы перед собой, но телескопы позволяют исследовать их свет.

Однако здесь возникает интересный вопрос: а всё ли мы уже научились обнаруживать? И можно ли быть уверенными, что существующая картина мира окончательна?

Собеседник: То есть ты предлагаешь предположить, что за пределами нашего восприятия может находиться гораздо больше, чем мы знаем?

Автор: Да. Но я бы не стала сразу делать из этого далеко идущие выводы. Пока мы можем говорить только о том, что человеческое восприятие ограничено. А вот что именно находится за этими границами и как это устроено — уже отдельный вопрос.

Собеседник: Хорошо. Но как отсюда перейти к твоей мысли о сознании? Ты ведь предполагаешь, что оно может

существовать за пределами мозга. Разве ограниченность органов чувств хоть как-то это доказывает?

Автор: Нет, напрямую не доказывает. И я не хочу создавать впечатление, будто одно автоматически следует из другого. Здесь заканчивается наблюдение, которое можно объяснить с помощью известных нам особенностей восприятия, и начинается моя гипотеза.

Я допускаю, что мозг не обязательно создаёт сознание целиком. Возможно, он работает скорее как фильтр: принимает, обрабатывает и пропускает только определённую часть более широкого сознания.

Собеседник: Фильтр? Звучит интересно, но пока довольно абстрактно. Можешь объяснить проще?

Автор: Представь обычный радиоприёмник. Он способен принимать радиосигналы, но мы слышим только ту станцию, на которую его настроили. Если приёмник настроен на одну частоту, это не означает, что остальные радиостанции перестали существовать. Просто в данный момент мы их не принимаем.

В моей гипотезе мозг можно представить примерно таким образом: он обеспечивает определённый способ взаимодействия сознания с физическим телом и окружающим миром. Возможно, он ограничивает доступный человеку спектр восприятия, позволяя проживать жизнь из конкретной перспективы.

Собеседник: Но радиоприёмник — это всё-таки устрой-

ство, а радиосигналы существуют независимо от него. Мы можем измерить их приборами. А в случае с сознанием у нас нет такого подтверждения.

Автор: Согласна. Аналогия с радио не является доказательством и не объясняет, каким именно образом могло бы работать сознание. Она нужна лишь для того, чтобы представить саму возможность: ограниченность того, что мы воспринимаем, не обязательно означает ограниченность всего существующего.

Я не утверждаю, что знаю устройство этого механизма. Пока это способ посмотреть на привычную проблему под другим углом и задать вопрос, который обычно даже не приходит нам в голову.

Собеседник: А что могло бы дать человеку возможность увидеть или почувствовать больше, чем он воспринимает обычно?

Автор: Возможно, некоторые изменённые состояния сознания позволяют иначе воспринимать себя и окружающий мир. Например, во время медитации или осознанного сна человек может переживать происходящее совершенно не так, как в обычном бодрствующем состоянии.

Меняется ощущение времени, пространства, собственного тела, иногда даже граница между собой и окружающим миром. Но здесь важно не торопиться с выводами.

Собеседник: То есть необычное переживание ещё не означает, что человек действительно вышел за пределы соб-

ственного мозга?

Автор: Так и есть. Само переживание может быть очень ярким, глубоким и значимым для человека, но это ещё не объясняет, откуда оно возникло. Я не хочу утверждать, что такие состояния обязательно выводят сознание за пределы мозга. Это вопрос, который требует отдельного исследования.

Но мне кажется интересным уже то, насколько разнообразным может быть человеческий опыт. Мы привыкли считать обычное состояние сознания единственно нормальным и понятным, а всё остальное — чем-то второстепенным. Хотя, возможно, мы просто недостаточно хорошо изучили собственные возможности восприятия.

Собеседник: Получается, ты не отрицаешь роль мозга, но допускаешь, что его функция может быть не такой, как мы привыкли думать?

Автор: Да. Я не отрицаю, что мозг тесно связан с сознанием и что его работа влияет на наши мысли, память, ощущения и поведение. Я лишь допускаю другую возможность: что эта связь может быть сложнее, чем простая схема «мозг производит сознание».

Собеседник: Но если тело ограничивает наше восприятие, выходит, оно скорее мешает нам познавать мир?

Автор: Вот здесь я бы не согласилась. Тело не только ограничивает. Оно ещё и даёт нам возможность переживать то, чего без него мы могли бы не знать.

Подумай о вкусе любимой еды, запахе дождя после жаркого дня, музыке, прикосновении близкого человека. Можно знать, что такое тепло, холод или нежность, но одно дело — понимать это умом, а другое — ощущать самому.

Собеседник: То есть ограничения могут быть не только недостатком?

Автор: Именно. Возможно, благодаря им у нас появляется собственная перспектива. Мы не просто наблюдаем мир со стороны, а проживаем его изнутри. У нас есть тело, характер, память, чувства, желания. Мы видим события со своей точки зрения и реагируем на них по-своему.

И если представить, что существует некое более широкое сознание, то индивидуальная перспектива может быть не случайной помехой, а важной частью самого опыта.

Собеседник: Тогда получается, что различия между людьми тоже имеют значение? Ведь если бы все воспринимали мир одинаково, картина была бы гораздо проще.

Автор: Но, возможно, и гораздо беднее. Мне нравится представлять это как оркестр. Каждый инструмент звучит по-своему. Скрипка не должна становиться флейтой, а барабану совершенно необязательно пытаться изображать виолончель. У каждого свой голос, свой тембр и своя роль. Если заставить все инструменты звучать одинаково, мы потеряем музыку.

Так и с людьми: у каждого своя точка зрения, свои чувства, воспоминания и выводы. Мы можем смотреть на одно

событие и видеть в нём совершенно разные стороны. Это не всегда означает, что кто-то обязательно ошибается. Иногда мы просто замечаем разное.

Собеседник: Но ты ведь постепенно подводишь меня к мысли, что все эти отдельные перспективы могут быть частью чего-то единого?

Автор: Да. Так постепенно у меня и появилась эта мысль. Возможно, мы одновременно являемся отдельными частями и частью чего-то гораздо большего. Мы можем быть самостоятельными индивидуальностями, проживать собственные истории, иметь свои границы и при этом оставаться связанными с общим целым.

Собеседник: Звучит красиво. Но пока я не совсем понимаю, как можно одновременно быть отдельным и единым.

Автор: Не торопись. Мы ещё вернёмся к этому вопросу. Сейчас мне хотелось начать с более простого наблюдения: мы не воспринимаем мир целиком, а видим его через собственные ограничения. И, возможно, это повод задуматься не только о том, что находится за пределами наших органов чувств, но и о том, насколько шире может быть сама реальность.

Собеседник: То есть пока мы не делаем окончательных выводов, а просто допускаем, что привычная картина может быть неполной?

Автор: Совершенно верно. Иногда полезно не спешить с ответом, а позволить себе задать вопрос. Ведь если мы зара-

нее уверены, что уже всё понимаем, то можем даже не заметить, что перед нами открывается что-то новое.

Мы привыкли смотреть на мир из одной точки — собственной. Но что, если это лишь одна из возможных перспектив?

Собеседник: Кажется, ты только что предложила мне усомниться в том, что я вижу своими глазами.

Автор: Не совсем. Я предлагаю не сомневаться во всём подряд, а помнить, что наши глаза показывают нам не весь мир, а только ту его часть, которую мы способны воспринимать. И это уже немало для первого шага.

Глава 2. Невидимая сеть

Собеседник: Ты говоришь о едином сознании. Но как ты вообще его представляешь? Это что-то вроде огромного разума, который находится где-то над нами и за всем наблюдает?

Автор: Нет, не совсем. Мне ближе другой образ — огромная сеть, в которой всё связано между собой.

Собеседник: Сеть? Надеюсь, не та, в которой у меня опять пропадает интернет?

Автор: (смеётся) Нет, хотя сравнение с интернетом как раз поможет. Представь, сколько сейчас в мире телефонов, компьютеров и других устройств. Они находятся в разных местах, но могут обмениваться информацией. Каждое устройство — отдельная часть большой сети.

Мне кажется, что индивидуальные сознания можно представить примерно так же: как отдельные узлы в чём-то гораздо большем. У каждого узла своя история, свой опыт, но при этом он может быть связан с другими.

Собеседник: Подожди. Интернет хотя бы можно потрогать. Ну, телефон-то точно. А твою сеть кто-нибудь видел?

Автор: Вот здесь начинается самое интересное. Я не утверждаю, что знаю, как она выглядит и как устроена. Интернет для меня пока только образ, который помогает объяснить саму идею связи.

В моей модели индивидуальные сознания имеют электромагнитную природу. Я предполагаю, что они могут соединяться между собой, образуя более крупную систему. Но как именно это происходит, какие там связи и как всё работает — я пока не знаю.

Собеседник: То есть ты допускаешь, что наше сознание не заперто внутри головы, как человек в квартире?

Автор: Примерно так. Мы привыкли думать, что каждый из нас существует сам по себе. У каждого своё тело, свои мысли, своя жизнь. Но что, если это только одна сторона картины? Что, если мы похожи на отдельные компьютеры, которые подключены к чему-то общему?

Собеседник: Звучит заманчиво. Особенно если представить, что у этой сети нет проблем с паролями и обновлениями.

Автор: (улыбается) Вот только инструкцию по подключению я тебе пока не дам.

Но у меня есть личный опыт, который сильно повлиял на то, как я стала представлять эту связь. В одном необычном состоянии я пережила ощущение, будто оказалась внутри общего информационного поля.

Это было совсем не похоже на обычные размышления. У меня возникло чувство, будто я понимаю, как связаны электричество, интернет и отдельные элементы большой системы. Словно на мгновение мне стала понятна общая картина, в которой всё соединено между собой.

Собеседник: И ты помнишь, что именно тогда поняла?

Автор: К сожалению, нет. Прошло много лет, и само содержание переживания я уже не могу восстановить. Не получится просто сесть и пересказать его по пунктам. Осталось другое — очень сильное ощущение единой сети, в которой всё связано.

Собеседник: Значит, ты считаешь, что действительно попала в какое-то информационное пространство?

Автор: Я точно знаю, что пережила это состояние. Для меня оно было настоящим. Но вот существовало ли такое пространство независимо от моего сознания — этого я утверждать не могу.

Я не хочу превращать личное переживание в доказательство. Оно помогло мне задуматься и сформировать своё представление, но это не значит, что я уже знаю, как устроен

мир.

Собеседник: Хорошо, допустим, такая сеть существует. Тогда что происходит с человеком после смерти? Его узел просто отключается?

Автор: В моей модели всё немного иначе. Я предполагаю, что индивидуальный опыт не исчезает бесследно, а становится частью абсолютного сознания.

Но тут есть одна важная тонкость: сохранить историю — не обязательно значит сохранить прежнее ощущение себя.

Собеседник: Вот теперь ты меня запутала. Как это — история остаётся, а самого человека вроде бы уже нет?

Автор: Давай представим библиотеку. Огромную, с тысячами книг. В каждой книге своя история: свои герои, события, радости, неприятности и неожиданные повороты. И все эти книги находятся в одном месте.

Но ведь никто не скажет, что они стали одной и той же книгой только потому, что стоят на одной полке.

Собеседник: Надеюсь, мою историю не поставят в раздел скучной литературы.

Автор: (смеётся) Это уже зависит от того, что ты там насочинял!

А если серьёзно, я предполагаю, что индивидуальные истории могут сохраняться в общем сознании. Но после такого объединения уже не обязательно остаётся привычное разделение на «моё» и «чужое».

Собеседник: То есть пока я живу, я воспринимаю свою историю как свою, а после смерти она становится частью чего-то общего?

Автор: Да. Сейчас у нас есть собственное «я». Мы помним своё детство, любимых людей, ошибки, удачи, обиды, смешные случаи. Всё это складывается в ощущение: «Это моя жизнь, это случилось со мной».

А согласно моей гипотезе, после смерти этот опыт становится частью общего целого. Но что именно происходит с ощущением индивидуального «я», я пока не могу объяснить.

Собеседник: Но тогда не получается ли, что индивидуальность всё-таки исчезает? Мы столько говорим о том, что каждый человек особенный, а в конце все оказываются частью одного целого.

Автор: Я бы не стала так торопиться с выводом. Исчезновение отдельной точки зрения — не то же самое, что исчезновение всего пережитого.

Представь, что ты прочитал книгу и закрыл её. История ведь не перестала существовать. Ты можешь помнить её, рассказывать о ней, возвращаться к отдельным моментам. Она уже стала частью твоего опыта.

Конечно, это только сравнение. Но оно помогает понять, что сохранение опыта и сохранение прежнего ощущения себя — два разных вопроса.

Собеседник: Получается, человек может перестать быть отдельным наблюдателем, но его история всё равно останется частью целого?

Автор: Именно так я пока это представляю. Мне важно, чтобы единство не означало уничтожение всего индивидуального. Ведь тогда возникает странная картина: будто отдельные жизни вообще не имеют значения, потому что в конце всё растворяется.

А я думаю иначе. Каждая история важна именно потому, что она отдельная, со своими событиями и переживаниями.

Собеседник: Тогда выходит, что при жизни мы видим только маленький участок этой сети и даже не подозреваем, насколько она большая?

Автор: Возможно. Мы видим свою жизнь, своё окружение, людей, с которыми встречаемся. Иногда замечаем удивительные совпадения, чувствуем близость с кем-то или влияние событий, которые на первый взгляд никак не связаны. Но я не предлагаю считать каждое совпадение сигналом из общей сети. Просто сама мысль о более глубокой связи кажется мне интересной.

Собеседник: Знаешь, если задуматься, получается довольно необычно. Мы считаем себя отдельными, спорим друг с другом, иногда даже не можем договориться, какой фильм посмотреть вечером, а тут, возможно, все связаны между собой.

Автор: (смеётся) Вот именно! И, возможно, даже в такой огромной сети у каждого всё равно свой характер. Кто-то постоянно передаёт информацию, кто-то предпочитает молчать, а кто-то, кажется, вообще отключил уведомления.

Собеседник: Последнее подозрительно похоже на меня.

Автор: Не переживай, я никому не скажу.

Но если вернуться к нашей теме, мне кажется важным вот что: отдельность и единство не обязательно противоречат друг другу. Узел остаётся отдельным узлом, но при этом является частью сети.

Мы можем иметь собственные мысли, чувства, желания, принимать решения и проживать свою жизнь. И всё же, возможно, мы связаны с чем-то гораздо большим, чем можем сейчас представить.

Собеседник: Тогда у меня появился ещё один вопрос. Если сеть объединяет индивидуальные сознания, могут ли в ней быть связаны не только разные люди, но и разные версии одного и того же человека?

Автор: Вот теперь мы подошли к следующей интересной теме. Я как раз допускаю, что у одного человека может быть несколько разных историй, связанных между собой.

Собеседник: Так, подожди. Ты хочешь сказать, что где-то может существовать ещё одна версия меня? Надеюсь, она уже разобралась с моими нерешёнными делами!

Автор: (улыбается) Возможно, у неё там своих забот хва-

тает. Но об этом мы поговорим в следующей главе.

А пока запомним главное: возможно, мы не так уж отделены друг от друга, как привыкли думать. Каждый из нас может быть самостоятельным узлом, со своей жизнью и историей, но при этом частью огромной сети, устройство которой нам ещё только предстоит представить.

Глава 3. Развилки судьбы: одна душа — множество историй

Собеседник: Если сознание представляет собой сеть, то как в ней связаны разные люди?

Автор: Я предполагаю, что связь может быть не только между разными людьми, но и между разными версиями од-

ного человека.

Собеседник: Подожди, разных версий одного человека? Это как? У меня где-то есть двойник, который живёт мою жизнь, только, возможно, лучше справляется с делами?

Автор: (смеётся) Возможно, у него тоже хватает своих проблем. Но я имею в виду не обычного двойника, который просто похож на тебя внешне. Речь о версиях одного человека, чьи жизни могли сложиться по-разному.

Собеседник: Давай на примере. А то пока звучит так, будто ты предлагаешь мне найти своего запасного.

Автор: Представь, что сегодня тебе предлагают новую работу в другом городе. Ты можешь согласиться и переехать. А можешь отказаться и остаться там, где живёшь сейчас.

На первый взгляд, это всего лишь два возможных решения. Но со временем каждое из них может привести к совершенно разным жизням.

В одном случае ты переедешь, познакомишься с новыми людьми, найдёшь друзей, возможно, встретишь любовь. У тебя появятся другие привычки, интересы, впечатления.

В другом случае ты останешься на прежнем месте. Продолжишь общаться с теми же людьми, будешь заниматься привычными делами, а события будут развиваться совсем иначе.

Собеседник: То есть одно решение — и жизнь пошла по другому пути?

Автор: Да. И можно представить, что каждая такая раз-

вилка открывает отдельную ветвь истории.

Собеседник: Ты имеешь в виду, что существуют параллельные версии одного человека?

Автор: В рамках моей модели — да. Одна версия могла принять предложение, другая — отказаться. И каждая проживает собственную историю, воспринимая её как единственную.

Собеседник: Получается, один я сейчас сижу здесь, а другой, возможно, где-нибудь в другом городе пьёт кофе и думает, правильно ли поступил, согласившись на ту работу?

Автор: (улыбается) Вполне возможно. А ещё один, может быть, до сих пор выбирает, соглашаться ему или нет.

Собеседник: Вот это уже интересно. Главное, чтобы хоть один из нас умел принимать решения быстро!

Автор: (смеётся) Но если серьёзно, мне нравится образ дерева. Представь один ствол, от которого отходят ветви. Сначала они находятся рядом, но постепенно каждая растёт в своём направлении. Чем дальше, тем сильнее могут различаться эти ветви.

Так и разные версии человека могут начинать с похожих условий, но со временем проживать совершенно разные истории.

Собеседник: Но если это разные версии, что делает их одним человеком? Ведь у них уже могут быть разные друзья, воспоминания, характеры. Одна может быть спокойной и рассудительной, а другая — совершенно невыносимой!

Автор: (смеётся) Надеюсь, ты не намекаешь на себя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.